

У своих

Путевые заметки

Поезд стоит здесь всего пять минут. По перону спешат запоздавшие пассажиры, суетятся носильщики, тахтит багажная телега. У одного из вагонов стоят два крестьянина. До меня отчетливо доносится их разговор.

— Так ты, Степан Иванович, не забудь после своих дел зайти в управление. Узнай, как с моими нормами сдачи, а то там что то было не в порядке.

— Да это я не забуду, — слышится

— А вы случайно не знаете Ивана Афанасьевича Бабочкина, — спрашиваю я, — он, как мне известно, где то в этих же краях живет.

— Ивана Афанасьевича? — Да как не знать, знаю. Мы теперь с ним по соседству живем, прямо, так сказать, через поле. Каждый день встречаемся. А вы что, к нему?

— К нему.

— Ну, и хорошо. Мне как раз прожником назад ехать — подвезу.

Через полчаса, устроив свои дела

когда мы еще в своей деревне под Островом жили, к нам прибыло человек пятнадцать беженцев из-под Старой Руссы. Известное дело — люди измученные, голодные, оборванные. Вот их и нужно было кому-нибудь приютить. В нашей деревне двести с лишним дворов было, а вот принять беженцев никто не хотел. Так и поместили их в помещении бывшего сельсовета. Из деревни продукты кое-какие получили и жили. Откровенно сказать, плохо жили, детишки даже побирались по домам.

— А почему это так, неужели в деревне хлеба не было у крестьян, молока, картошки?

— Помилуй Бог, почему не было? У всех все было, да вот народ у нас какой-то скупой стал. Лучше в город снесет продаст, а чтобы голодающему дать, так не очень.

Так вот, рассмотрелись мы сами на таких беженцев, ну и, понятное дело, когда самим оставить родные места пришлось, мало хорошего ожидали. Думали: и нас так встретят, как мы в свое время людей встречали.

— Ну, и что же случилось?

— Получилось совсем по другому. Я с семьей на второй же день по приезде вот к этому самому крестьянину попал. Он нам комнату отвел, сарайчик указал, куда телку с поросенком поместить, и неделю обживать разрешил, подправить кое-что, починить, отдохнуть. Молока, хлеба, картошки давал, сколько надо. Всего этого добра у него достаточно. Ну, а затем я с женой стали по хозяйству помогать, детишки же, у меня двое их, в школу ходили.

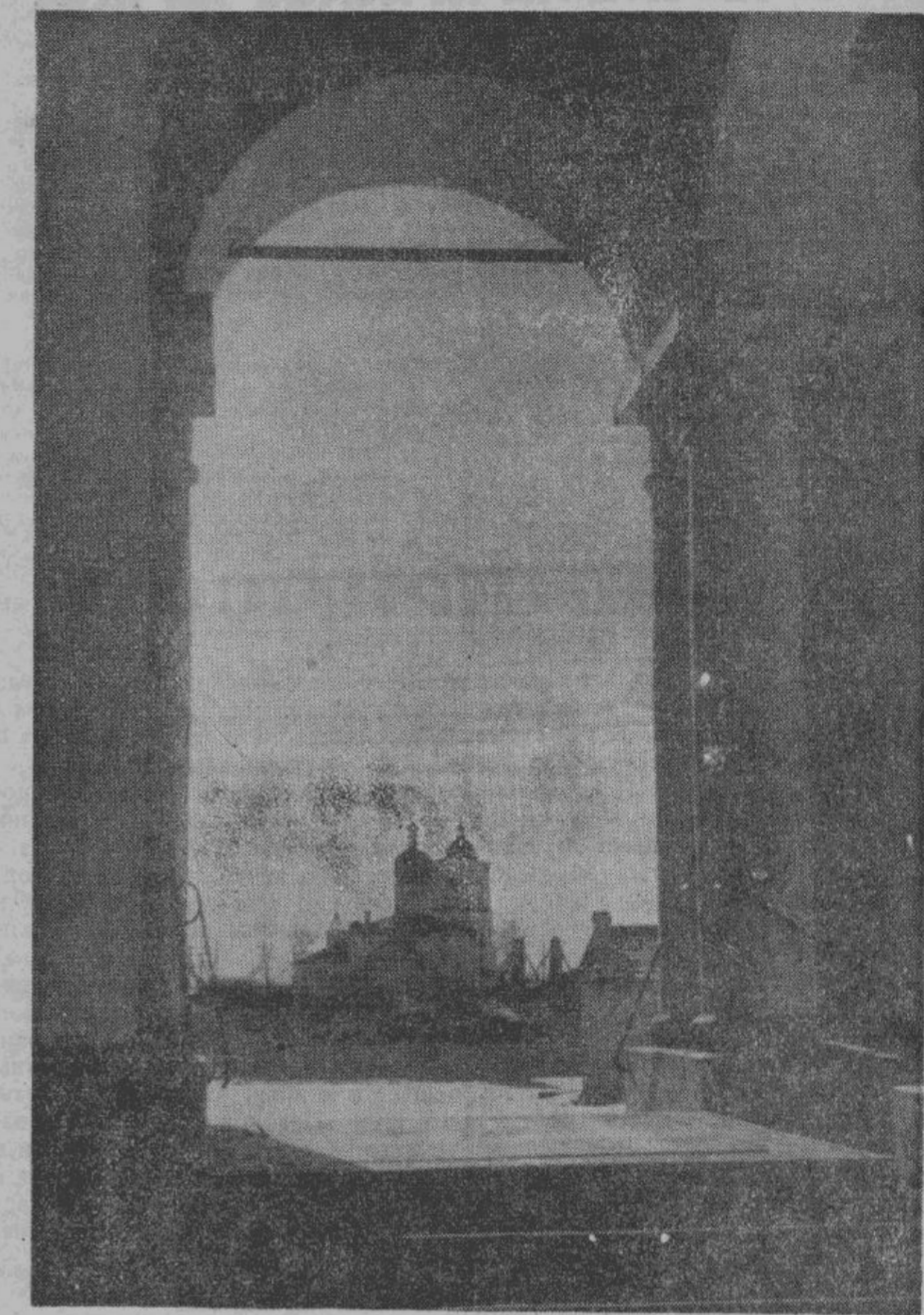
— Небось у хозяина тяжело работало?

— Известное дело, работа по крестьянству — не в канцелярии сидеть, только я больше хозяина не работаю. Он в поле идет, ну и я с ним, он на одной лошади пашет, я на другой. Или, скажем, в лес едем, работаем на пару. Бывает, хозяин улет куда-нибудь, ну тут я один. Конечно, на работе спать не приходится. Сам крестьянин — понимаю. Ну, а так, чтобы подгонял бы тебя кто, такого здесь нету.

— Но может быть это только у вас так удачно сложились обстоятельства?

— И то верно, всякие люди бывают. Только скажу я вам по правде: в большинстве случаев наши сами виноваты. Вот, к примеру, у нас неподалеку один молодой парень работает. Парень такой, что ему бы бревна таскать, а он от всякой работы отлынивает, то болен, то еще что. Его и на легкую работу сажали вместе с женщинами, да и то толку не получилось. А дорвется до водки, так откуда сила берется, один литровку выхлепит и буянить начинает. Произошел с ним такой случай: напился и поссорился с вашим знакомым Иваном Афанасьевичем. Ночью шум поднял, в доме хозяина окно высадил и ничего; пробрали его словесно, и на этом кончилось. «Нельзя, говорят, в полицию сообщать. Вре-

М. Сергеев.

РАННЕЕ УТРО В ОСТРОВЕ

ПРИВАЛ.

тепленный ответ Степана Ивановича, — будьте спокойны, не впервый.

Разговор происходит по-русски. По одежде Степана Ивановича и по своеобразной манере говорить, я угадываю в нем не местного человека. Когда поезд уходит, я подхожу к нему.

— Простите, вы беженец?

— Да, всего третий месяц здесь. Сам из-под Острова. Теперь вот здесь неподалеку живу. Мой хозяин сегодня в город уехал, так я его до станции довел.

Степан Иванович сидит рядом со мной на телеге и подгоняет возжами шуструю лошадейку.

— Так вы всего лишь третий месяц в этих краях? — начал я.

— Да, так точно. Одним из первых при эвакуации выехал.

— Ну, и как устроились?

— Да лично о себе говорить много не приходится. Откровенно говоря, не ожидал так устроиться, да и были к тому причины. В прошлом году,

промыслом заниматься. Очень хотелось бы рыбачить по берегам Рижского залива, — там я стоял в армии во время мировой войны 1914 года. Ох, и рыбы же там много! Если бы спросили меня, — поехал бы туда непременно всей семьей. Ну, что же, может быть туда и поедем, — отзывается другой.

Мы желаем им исполнения их желания, прощаемся.

На улице дети затеяли игру, слышатся смех, шутки. Покидаем деревню с сознанием, что тяжелое испытание не сломило духа наших земляков. Они бодро и уверенно смотрят вперед.

М. Сергеев.

Подальше от фронта

В деревне И. (Эстония) организован пересыльный пункт для крестьян-беженцев из Псковского района. Здесь крестьяне останавливаются на несколько дней для регистрации.

Мы прибыли в лагерь днем, когда работа шла там своим чередом.

Вот подъезжает на подводах новая группа крестьян. Беженцы окружили регистратора; называют свои фамилии. В движениях, позах прибывших не видно растерянности: спокойные, уверенные лица; организовано, четко происходит распределение эвакуированных.

Но вот все размещены по избам. Надо с дороги помыть и белье постирать. Из труб изб потянулся дымок. У колодца столпились женщины с ведрами.

Мы подходим к старику, греющемуся на мартовском солнышке.

— Где вы жили и работали в последнее время? — спрашиваем мы.

— Сам я уроженец Пскова и в городе всю жизнь прожил. В последнее время работал на хлебозаводе столярком... Да, вот какое дело - то серьезное, — пришлось покинуть город. Ну, да что же делать, — война. Я не унываю, устроимся и здесь как-нибудь помогу.

К нам подходит крестьянин.

— А я вот из деревни, рыбачеством там занимался, — говорит он — Нас сюда прибыло 30 семейств — рыбаков. Некоторые находятся сейчас в этом доме. Зайдите к нам в гости!

Мы входим внутрь.

В избе на скамейках и вешах, в ожидании дальнейшего следования, расположились беженцы, по преимуществу — женщины.

— Мы здесь уже третий день, — продолжает крестьянин. — На днях обещают отправить дальше. Знаете, как мы довольны, что здесь. От самого, можно сказать, боя уехали. Даст Бог, переждем войну подальше от фронта.

— Куда-то нас повезут? — присоединяется к разговору рыбак Илья Григорьевич Филин. — Хорошо бы и на новом месте своим всегдашним

В ПУТИ К НОВОМУ МЕСТОЖИТЕЛЬСТВУ

Старые русские анекдоты

Актер П. А. Каратыгин был прославленным остряком. Он острял и в прозе и в стихах. Ему приписывается, между прочим, аксромт, сказанный однажды жаренному поросенку:

Ты славно сделал, милый мой,
Что в ранней юности скончался,
А то бы сделался свиной,
И той же участи дождался.

Он же сказал про суфлера, обремененного многочисленным семейством:

Из маленькой дыры глядит великий муж,
Хоть нет в самом души, а кормит восемь душ!

Рассмотрев однажды целую гряду новых

пес, представленных на просмотр, Каратыгин сказал:

Из ящика всю выбрал требуху,
Я двадцать пьес прочел в стихах и прозе:
Но мне не удалось, как в басне петуху,
Найти жемчужину в навозе.

Когда хоронили писателя Н. А. Полевого, его заклятый враг, знаменитый в своем роде — Фаддей Булгарин, вертелся около гроба и хотел в числе прочих нести гроб. Каратыгин отстранил его словами:

— Мало ты его поносила при жизни!
По поводу какой-то драмы Каратыгин говорил: «Первое действие в селе, второе в городе, а остальные что-то уж и вовсе ни к селу, ни к городу».

А. С.

АЛЛЕГРО

Ночь и день

Ночь зимой, как черный кот,
День, — как серенькая мышь,
Но весна, весна идет,
Ярко, звонко каплет с крыш.

Уж морозу не сдержат
Шумной радости ручьев;
Стали птицы прилетать,
Звонче щебет воробьев.

Исчезают тьма и тишь,

И теперь наоборот:

Ночь, как серенькая мышь,

День — большой блестящий кот.

Четвероногие друзья

Собаки-поводыри слепых

Потерявшему зрение человеку необходим зрячий провожатый и такому вполне может служить хорошо обученная собака. Обучение собак-поводырей в основном сводится к тому, чтобы научить их считаться с препятствиями, мешающими движению слепого. Метод такого обучения, изобретенный профессором Икскуль, применяется теперь в германской армии для обучения собак-поводырей.

Аппарат представляет собой повозку «с искусственным человеком», к которой пристроены остроумно придуманные приспособления, приучающие собаку к правильному передвижению. Так, например, при стремлении собаки вступить на тротуар, перескочить или пролезть там, где слепой пройти не может или споткнется, предохранитель, в виде дуги, шлепком немедленно предупреждает собаку. Постепенно собака научается избегать подобных препятствий.

Обучение с повозкой обычно продолжается четыре недели. После этого собаку приучают к «приличному поведению» в упряжке. Она начинает понимать, что ей позволено

во время работы, и что в свободное время. Как только упряжь снята, верный пес приучается вести себя по всем правилам «собачьего» этикета.

Потерявших зрение людей также четыре недели обучают обращению с его четвероногим поводырем. В зависимости от особенностей человека ему дают соответствующего характера собаку.

М.

